

А. Я. Разумов, Санкт-Петербург

КНИГА ПАМЯТИ «ЛЕНИНГРАДСКИЙ МАРТИРОЛОГ. 1937 - 1938» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ СИНОДИКА ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ¹

Питерский опыт работы по созданию Книги памяти «Ленинградский мученик. 1937 - 1938» имеет особое значение для Вологодской епархии. В 1937 г., когда по решению политбюро ЦК ВКП(б) в СССР началась наиболее кровавая репрессивная операция, часть Вологодской области входила в состав Ленинградской, а дела духовенства курировал Г. Г. Карпов, капитан госбезопасности и начальник 4-го (секретно-политического) отдела Ленинградского управления НКВД. В ныне изданных четырех томах «Ленинградского мученика» и «Синодике Санкт-Петербургской епархии» содержатся краткие биографические справки о многих и многих расстрелянных и замученных православных насельниках Вологодской земли. Источником сведений для справок послужили архивно-следственные дела, протоколы заседаний внесудебных органов, групповые предписания на расстрел и акты о приведении приговоров в исполнение - в основном, хранящиеся в архиве УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и Центральном государственном архиве С.-Петербурга; часть архивно-следственных дел хранится в архиве УФСБ по Вологодской области (дело П-11594 по обвинению епископа Череповецкого Тихона (Рождественского), девятитомное дело «Контрреволюционной повстанческой организации церковников» и некоторые другие).

На основании этих источников можно достаточно полно судить о том, как было сформировано крупнейшее дело «Контрреволюционной повстанческой организации церковников в Белозерском, Кирилловском, Тихвинском, Устюженском и Череповецком районах Ленобласти и Устькубинском и Кубенском районах Вологодской области» (далее - «дело церковников»).

1 августа 1937 г. начальник Ленинградского управления НКВД Л. М. Заковский издал приказ № 00117 о порядке проведения репрессивной операции на подотчетной ему территории. В соответствии с приказом организовывались 12 оперативных секторов, из них 5 - на территории нынешней Вологодской области:

Тихвинский оперсектор (Бабаевский, Чагодошенский, Ефимовский, Капшинский и Борисово-Судский районы; начальник - майор Орлов; опергруппа: 5 чекистов запаса, 25 курсантов Новопетергофского училища НКВД им. Ворошилова, 6 милиционеров; место содержания арестованных - Тихвин-

ская тюрьма);

Вытегорский оперсектор (Вытегорский, Андомский, Вознесенский, Оштинский и Ковжинский районы; начальник - майор Левинсон; опергруппа: 5 чекистов запаса, 25 курсантов, 6 милиционеров; место содержания арестованных - КПЗ райотделов НКВД);

Белозерский оперсектор (Белозерский, Вашкинский, Чарозерский, Кирилловский и Шольский районы; начальник - лейтенант госбезопасности И. Т. Власов; опергруппа: 5 чекистов запаса, 25 курсантов, 8 милиционеров; место содержания арестованных - Белозерская тюрьма);

Череповецкий оперсектор (Череповецкий, Кадуйский, Мясинский, Пришекснинский и Петриневский районы; начальник - лейтенант госбезопасности Павлов; опергруппа: 5 чекистов запаса, 25 курсантов, 9 милиционеров; место содержания арестованных - Череповецкая тюрьма);

Устюженский оперсектор (Устюженский и Пестовский районы; начальник - майор Долганов; опергруппа: 1 чекист запаса, 15 курсантов, 4 милиционера; место содержания арестованных - Устюженская тюрьма).

Руководителем репрессивной операции на территории Ленинградской области был назначен заместитель Заковского ст. майор госбезопасности В. Н. Гарин.

Ни один из вышеназванных районов не числился в передовых по уровню готовности к операции. Между тем, начиная с 5 августа, начальники оперсекторов должны были представлять в Ленинград на утверждение списки подлежащих репрессированию, ускоренно и в упрощенном порядке проводить следствие, в ежесуточных рапортах указывать количество арестованных, предоставлять «наиболее существенные протоколы допросов и в первую очередь по вскрытым в процессе операции контрреволюционным формированиям и группировкам». Началось негласное соревнование районов по выполнению и перевыполнению репрессивных планов. (Согласно первоначальному утвержденному Москвой плану в области за четыре месяца, т. е. ко Дню сталинской конституции и выборам в Верховный совет СССР, предстояло осудить «по первой категории», т. е. расстрелять, 4000 человек и «по второй категории», т. е. заключить в лагеря и тюрьмы, 10000 человек).

Можно считать, что «дело церковников» начало формироваться еще во время подготовки к операции. Усть-Кубинское райотделение НКВД Северного края препроводило в Кирилловское РОНКВД следственный материал на священника Иоанна Борисова - «служителя культа и активного участника к/р организации И.П.Ц., ликвидированной на территории Усть-Кубинского района». О. Иоанн служил в Словянской церкви Кирилловского района и был арестован 21 июля 1937 г. Но массовые аресты начались в августе. В Белозерске 16 августа допросили настоятеля Ильинской церкви о. Сергия Шоленинова и в тот же день выписали ордер на его арест. 18 августа арестовали настоятеля

Петропавловской церкви и благочинного г. Белозерска о. Николая Федотовского. 20 августа допросили настоятеля Покровской церкви и благочинного г. Кириллова о. Василия Остроумова. Конечно, все сохранившиеся протоколы допросов арестованных фальсифицированы. Однако их можно воспринимать как один из достаточно надежных источников сведений о расчетах и действиях следователей. В первом же протоколе допроса прослеживается теоретическое обоснование делу: «Смежные между собой Белозерский и Кирилловский районы в теперешних административных границах до Октябрьской социалистической революции в течение многих столетий являлись оплотом православия. [...] И Белозерское и Кирилловское духовенство было более реакционно, чем в других районах теперешней Ленинградской области». Арестованные Шоленинов, Федотовский и Остроумов вполне подходили на роль руководителей филиалов широко разветвленной контрреволюционной организации. Но следователей интересовали более крупные фигуры, в особенности епископы Череповецкие, последовательно: Нифонт (Фомин), Валериан (Рудич) и Тихон (Рождественский). В протоколах допросов записаны самые разные подробности посещений Белозерска и Кириллова Череповецкими епископами. К примеру о епископе Тихоне, который давал благочинным «с 1936 г. установку о том, чтобы при закрытии церквей духовенство оставалось на своих местах и уже негласно исполняло различные обряды культа». Готовые протоколы допросов белозерские чекисты переслали в Ленинград. Здесь 27 августа арестовали епископа Тихона (Рождественского), к тому времени - настоятеля Князь-Владимирского собора (постановление об избрании меры пресечения и ордер на арест подписаны в 4-м отделе НКВД Г. Г. Карповым только 17 сентября, причем без предъявления обвиняемому). Епископ Тихон годился, по замыслу чекистов, на роль руководителя широкой контрреволюционной организации. Практически одновременно, 28 августа, начальники Белозерского оперсектора И. Т. Власов и Белозерского горотдела НКВД С.П. Портнаго направили спецконвоем в Ленинград Федотовского и Шоленинова, «перечислив их содержанием за 4-м отделом Ленинградского управления НКВД» - для дальнейших допросов.

В деле сохранились ленинградские протоколы допросов Федотовского и Шоленинова (машинопись, датированная 1-2 сентября 1937 г.). Протоколы подписаны начальником 11-го отделения 4-го отдела УНКВД ЛО Капраловым и следователем Миничевым (они же вели допросы епископа Тихона). В этих протоколах впервые появляются различные варианты списка членов «контрреволюционной организации церковников» (общим числом от 14 до 33 человек, из них - две женщины). Видны следы правки, несколько имен вписаны дополнительно. Капралов и Миничев в начале сентября 1937 г. включали в список мифической организации все новые имена. В то же время в Белозерском и Кирилловском районах каждую неделю арестовывались десятки людей. Но вскоре учетные агентурные сведения о духовенстве были исчерпаны, и все

лица, сколько-нибудь заподозренные в свободомыслии и упомянутые в протоколах допросов, - арестованы². Скорее всего, именно тогда руководство Белозерского оперсектора решило довести число обвиняемых до желанной сотни - столько имен входило в так называемый «альбом» - образцовый протокол заседания Особой тройки в Ленинграде. Белозерские чекисты и милиционеры выполнили план по арестам за счет женщин. Участковые за два - три дня опросили в качестве свидетелей - соседей бывших насельниц разоренного Горицкого Воскресенского монастыря, собрав необходимый компромат. О бывшей игуменье монастыря матери Зосиме (Екатерине Реока-товне Рыбаковой) записали, что она «общественно полезным трудом не занимается, ходит по деревням и нищенствует». 23 - 25 сентября были арестованы 33 бывшие монахини и послушницы Горицкого монастыря, 30 сентября - еще 14. Всего же были арестованы 62 бывшие насельницы монастырей и мирянки. Так же споро были оформлены десятки «признавательных» протоколов допросов. Мать Зосиму, единственную, освободили под подписку о невыезде - она едва могла передвигаться. Теперь арестованных хватало с избытком на несколько контрреволюционных дел. Основное из них получило название «Контрреволюционной повстанческой организации церковников». Обвинительное заключение - ровно на 100 «повстанцев» (среди них 24 женщины), подписали: нач. Белозерского РО НКВД Портнаго и один из ведущих следователей, старший лейтенант госбезопасности запаса И. А. Емин, утвердил заключение - начальник оперсектора Власов.

В 4-м отделе Ленинградского управления НКВД к общему списку присоединили имена «руководителей организации»: епископа Тихона (Рождественского) и священника Александра Удалова, председателя Череповецкого епархиального совета и благочинного г. Череповца. 4 октября 1937 г. (протокол заседания № 80) Особая тройка в Ленинграде приняла решение расстрелять всех обвиняемых, помиловав только «активную церковницу» Анну Богданову - ее отправили на 10 лет в лагерь. 96 приговоренных к казни доставили из Белозерской тюрьмы в Ленинград. 9 октября расстреляли ровно 100 человек - включая содержавшихся под стражей в Ленинграде Рождественского, Удалова, Федотовского и Шоленинова. Мать Зосиму этапировать в Ленинград не стали. Ее расстреляли в Белозерске 14 октября.

23 сентября 1937 г. была образована Вологодская область, 28 сентября Вологодское управление НКВД возглавил ленинградец С. Г. Жупахин. Вологодская тройка принялась выполнять свои собственные планы, но и плановые обязательства перед Ленинградом были перевыполнены. 22 октября 1937 г. (протокол заседания № 117) Особая тройка в Ленинграде рассмотрела дело кирилловской «Контрреволюционной организации церковников» (29 человек, среди них 24 насельницы бывшего Горицкого монастыря - все они собирались якобы вызвать недовольство населения, развалить колхозы и сорвать

выборы в Верховный Совет СССР) и дело «Контрреволюционной группы церковников, действующей на территории Горицкого сельсовета» (14 насельниц бывшего Горицкого монастыря и священник Аверкий Полицын - также будто бы пытавшиеся развалить колхозы). 30 октября в Ленинграде были расстреляны 43 человека по спискам этих придуманных чекистами организаций. Старосту Горицкой церкви Анну Кукушкину по каким-то причинам не этапировали в Ленинград, а расстреляли позднее в Белозерске.

Отчитываясь в конце 1937 г. перед новым начальником Ленинградского управления НКВД М. И. Литвиным о ходе выполнения репрессивной операции, Гарин представил «дело церковников» как образцовое: «Белозерским оперсектором вскрыта и ликвидирована к.-р. повстанческая организация церковников в числе 102 чел. Организация действовала на территории Белозерского и Кирилловского районов и руководилась епископом Тихоновым, Рождественским (имеется в виду епископ Тихон Рождественский. - А. Р.) и попом Федотовским. Руководители в районах создали к.-р. повстанческие группы для вооруженной борьбы с Соввластью. Подготавливали теракты против сельского актива. Проводили к.-р. подрывную работу в связи с выборами в Верховный Совет».

В 1939 г., после смены руководства НКВД СССР, были отданы под суд многие чекисты - исполнители репрессий, среди них и руководители Вологодского управления НКВД. Во время следствия над ними стали известны подробности формирования «дела церковников». Подсудимый сотрудник Управления Е. А. Воробьев показал: «Примерно на половину арестованных не было никакого материала, кроме того, что они ходили в церковь и молились богу, а Власов все время напоминал и требовал «увязки» и «округления». Все привлеченные по делу прошли по первой категории». Следователь И. В. Анисимов (автор многих протоколов допросов насельниц Горицкого монастыря) показал в качестве свидетеля: «Допросы арестованных проводились таким способом: если арестованный не подписывал ранее заготовленный и вымышленный протокол допроса, то его били. На голову надевали тулуп, сшибали его на пол и били ногами, а после этого подводили к столу, вставляли в пальцы ручку и сами водили его рукой по бумаге. Таким образом были избиты Шаманов, Скворцов, Калганов, Троицкий и ряд других». Свидетель А. Ф. Кротов, начальник экспедиции Белозерского РО НКВД, показал, что многие арестованные «стояли по 12 - 17 суток. Люди ставились по 5 - 6 человек в углы в комнате ЗАГСа, в середине ставился милиционер, который не допускал ни шевелиться (так в тексте. - А. Р.), а следователи уходили в кино или на отдых». По окончании расследования в 1940 г. С. Г. Жупахин, И. Т. Власов, И. А. Емин и Е. А. Воробьев были расстреляны, С. П. Портнаго и В. Д. Овчинников были приговорены, соответственно, к 10 и 5 годам лагерей.

В 1956 г., при очередном обращении Прокуратуры к «делу церковников», токарь В. Н. Горин пояснил, как он подписывал свидетельские показания о своих соседях по улице в 1937 г.: «Никогда подобных показаний я не давал. [...] Мой допрос в 1937 г. проходил примерно так: меня вызвал сотрудник РО НКВД Криулин и сказал мне примерно так: сейчас идет подготовка к выборам и нужно изолировать таких-то людей, и назвал фамилии Рыбаковой, Александровой и Сибиряковой. После этого Криулин прочитал мне заранее заготовленные протоколы допросов, где от моего имени говорилось, что Рыбакова, Александрова и Сибирякова занимаются антисоветской деятельностью. Я сказал Криулину, что об антисоветской деятельности Рыбаковой, Сибиряковой и Александровой я ничего не знаю. На это Криулин заявил, что ты должен помочь нам изолировать врагов. Я подписал протоколы допросов. На каждую женщину был составлен отдельный протокол».

Удивительно сложилась судьба ленинградского куратора и организатора «дела церковников». На Г. Г. Карпова, бывшего начальника 4-го отдела УГБ УНКВД Ленинградской области, весной 1938 г. - и. о. начальника Мурманского окротдела, а затем начальника Псковского окротдела НКВД, судебными органами четырежды выносились определения о привлечении его к ответственности за участие в фальсификации следственных дел в 1937-1938 гг. Так, Военный трибунал войск НКВД Ленинградского военного округа (ЛВО) 1 февраля 1941 г. постановил возбудить уголовное преследование в отношении бывших работников Псковского окротдела НКВД во главе с Карповым за то, что они «проводили вражеские установки Заковского и Литвина, внедряли их в следственную работу, втянули в преступную деятельность почти всех оперативных работников окротдела и районных отделений, давали прямые установки на фальсификацию следственных дел и этим сами занимались, производили массовые незаконные аресты только по национальному признаку, внедряли фальсификацию протоколов допроса, массовое избиение и стойки в разных позах и другие методы издевательства...». Группа работников Псковского окротдела была осуждена по этому обвинению, но Карпов вовремя переведен в центральный аппарат НКВД в Москву. Военный трибунал ЛВО выносил частные определения о привлечении к ответственности Карпова 17 октября и 24 октября 1955 г. и 17 сентября 1956 г. В ответ на последнее определение Главная военная прокуратура СССР указала военному прокурору ЛВО, что «Карпову Г. Г. за нарушения законности при расследовании дел в 1937-38 гг. решением Секретариата ЦК КПСС от 28 сентября 1956 г. объявлен строгий выговор с предупреждением. В связи с этим проводить проверку в отношении Карпова Г. Г. не следует». В справке о работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС за период с 1 марта 1956 г. по 1 марта 1957 г., в частности, сообщалось: «За допущенные нарушения социалистической законности в 1937-

1938 г. т. Карпов Г. Г. заслуживал исключения из КПСС, но, учитывая давность совершенных им проступков и положительную работу в последующие годы, Комитет партийного контроля ограничился в отношении т. Карпова Г. Г. объявлением ему строгого выговора с занесением в учетную карточку»³. А все потому, что начальник 4-го отдела 3-го Управления НКВД СССР по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией полковник госбезопасности Карпов был в 1943 г. назначен председателем Совета по делам Русской Православной Церкви. И оставался в этой должности вплоть до увольнения 21 февраля 1960 г.⁴

В конце концов, убиенные вологодские священники и миряне были реабилитированы за отсутствием состава преступления. В 1993 г. их имена обнародованы в газете «Вечерний Петербург», в 1996 г. - во втором томе Книги памяти «Ленинградский мартиролог. 1937-1938». О судьбах насельниц Горицкого Воскресенского монастыря см. также публикацию Е. Стрельниковой «Новомученики и исповедники белозерские. Монастыри Кирилловского уезда в XX веке» в альманахе «К Свету» (Вып. 15: Край Кирилла Белозерского). 31 октября 1999 г. на Левашовском мемориальном кладбище, бывшем тайном могильнике НКВД под Ленинградом, стараниями нынешних насельниц Горицкого монастыря был воздвигнут крест памяти убиенных в 1937 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В данной публикации все документы цитируются с сохранением особенностей орфографии по копиям и выпискам, хранящимся в архиве Книги памяти «Ленинградский мартиролог» при Российской национальной библиотеке.
- ² Подспорьем для проведения арестов поначалу служили профессиональные доносы агентов НКВД из среды, близкой духовенству. Образец донесения, достаточного для ареста: «»Оба монаха - очень хитры и говорят смело. О чем они говорят? Послушаем иеродиакона Арсения Храпичева: «Я монах Нило-Сорской пустыни. Теперь служу диаконом в этой церкви. Я считаю, что затруднения с хлебом от того, что колхозы в деревне» [...] И раздалась вдруг реплика, принадлежавшая гражданину Крутову Александру Александровичу, сидевшему первое время молча за общим столом: «Власть думает, что насилеиет что-нибудь сделает. Нет. Ничего не выйдет».
- ³ Реабилитация: Полит. процессы 30-50-х гг. М.: Политиздат, 1991. С. 80.
- ⁴ Протоиерей В. Цыпин. История Русской Церкви. Т. 9: 1917-1997. М., 1997. С. 293, 302, 386.